

лѣе сильнаго сосѣда, и тѣ лица, которыя окажутся въ средѣ руководителей этого національнаго движенія, въ большинствѣ случаевъ, бываютъ болѣе лукавыми и трусливыми рабами по своему духу, чѣмъ свободными стимуляторами «государственнаго» движенія, одаренными мудрой народной интуиціей.

Примѣняя всевозможные законы насилія, а не законы любви, они или безсознательно или чаще всего лицемѣрно вколачиваютъ въ народныя массы патентованные лозунги, связываютъ ихъ социальными или церковными требованіями, натравливаютъ своихъ подданныхъ противъ другихъ народовъ, посылаютъ ихъ на убійства и грабежи, которые признаются патриотическимъ и гражданскимъ долгомъ, и прибѣгаютъ ко всѣмъ безъ исключенія средствамъ вплоть до политическихъ уній съ недавними «врагами».

Всею своею протестующею силою обрушиваясь на политическій, а, главное, общественно-моральный развратъ, который является необходимымъ въ государственномъ строѣ, Л. Толстой въ своихъ статьяхъ рѣшительно осуждаетъ наше пещерное чувство патриотизма.

Многіе люди сейчасъ стремятся доказать, что національная «государственность» создаетъ условія для развитія какой—то «культуры»^{*}; эти люди убѣждены въ томъ, что «государство» (держашееся только на насиліи, если не на произволѣ) можетъ обезпечить и появленіе талантовъ, и духовное развитіе народа и повышеніе матеріальнаго уровня и т. д. и что только тамъ, гдѣ есть губернаторы и министры, могутъ рождаться поэты и ученые, и только тамъ, гдѣ есть уѣздный исправникъ или староста, могутъ появляться трудолюбивые крестьяне и городскіе рабочіе... Эти люди, нанизавъ сотни примѣровъ, явно доказывающихъ весь вредъ существованія государственнаго аппарата съ его податями и вереницами насильственныхъ актовъ, оптимистично предрѣшаютъ вопросъ о грядущемъ торжествѣ своего народа... надъ другими націями.

На такихъ оптимистовъ надо смотрѣть очень пессимистично. Въ послѣдніе годы мы приучились всѣ свои усилія и заботы распространять на все общество, мы думаемъ о благѣ рѣшительно всѣхъ, о всѣхъ народахъ, о всемъ мірѣ, чуть не о всѣхъ планетахъ,—и одна забота (не входящая, къ сожалѣнію, ни въ одну политическую программу) нами какъ будто не замѣчена вовсе: это забота о нашей собственной душѣ, безъ исправности которой никакія социальныя реформы, несмотря на весь ихъ всенародный масштабъ, на всю ихъ высоту и идеальность, не реализуются. Нельзя демократизировать при помощи декретовъ бюрократическій укладъ жизни, если душа допускаетъ... грабежи и разбои; нельзя укрѣпить республиканско-національную идею, если душа допускаетъ... еврейскіе погромы и т. д. и т. д.

Душу свою мы не демократизировали; она до сихъ поръ бюрократка,

^{*}) Состоящей въ постройкѣ университетовъ съ ихъ юридическими «учеными глупостями», способствующими закрѣпленію и «аргументаціи» рабства однихъ передъ другими, въ размноженіи фабрикъ, руководимыхъ инженерами-капиталистами, духовно истязующими рабочій классъ, въ изготовленіи аэроплановъ и пулеметовъ, шпилекъ и булавокъ, въ печатаніи пошлыхъ и бездарныхъ угодливыхъ газетъ и журнальчиковъ, въ устройствѣ школъ съ цѣлью воспитывать «національный» духъ на страхъ другимъ націямъ и т. д. и т. д.